

Клайв Стэйплз Льюис Развенчание власти

Когда я читал первый том этой книги, то не смел и надеяться, что она будет иметь успех, хотя несомненно заслуживает его. Я рад, что ошибся. Иногда, правда, критика допускает ошибку, и лучше исправить ее сразу же. Трилогию упрекают в том, что все персонажи в ней либо черные, либо белые. Но ведь само развитие сюжета в первом томе связано с борьбой хорошего и дурного в сознании Боромира, так что найти основание для подобных упреков не просто. Осмелюсь высказать предположение. Во втором томе один из персонажей спрашивает: "Как быть человеку в такое смутное время? Как судить о добре и зле?" - и получает ответ: "Как и всегда. Добро и зло все те же... Что у эльфов, что у Людей или Гномов.

Это - основа всего толкиеновского мира. Я думаю, такое четкое разделение черного и белого некоторым читателям просто не понравилось, и они поспешили вообразить, что видят лишь четкое разделение людей на положительных и отрицательных. Не вглядываясь вглубь, они заявляют (вопреки фактам), что ход повествования ограничен одним цветом, как ход шахматного слона. Но в двух последних томах таким читателям придется туго. Самые разные мотивы ведут героев, даже положительных, а предателями порой движут поначалу довольно невинные побуждения. Поражены недугом и героический Рохан, и империя Гондор. А у омерзительного Смеагорла, даже в самом конце повествования, случаются добрые порывы. И, по трагическому парадоксу он укрепляется во зле после недостойной речи одного из самых самоотверженных героев.

Каждый том состоит из двух книг. Все шесть книг романа показывают высокое композиционное мастерство построения. Книга I задает основную тему. В книге II тема обогащается большим ретроспективным материалом и углубляется. Затем повествование изменяется. В III и V книгах судьба распавшегося отряда Хранителей начинает зависеть от множества взаимосвязанных сил, которые группируются и перегруппировываются по их отношению к Мордору. Основная же тема, отделившись от этой, занимает IV и начало VI. (Ее окончание, конечно же, развязывает все сюжетные узлы.) Глубинная связь между основной темой и другими сюжетными линиями не прерывается ни на миг. С одной стороны, целый мир движется к войне; повествование звенит о топота копыт, труб, ударов стали о сталь. С другой - где-то очень далеко две крошечные, жалкие фигурки ползут (как мыши по грудке шлака) через сумрак Мордора. И мы все время знаем, что судьба мира зависит гораздо сильнее от движения двух слабых созданий, чем от перемещения великих армий. Это структурная находка высочайшего порядка. Она чрезвычайно много добавляет к пафосу, иронии и величию повествования.

К этой теме нельзя обращаться в том шутовском, опытно-умудренном тоне, который обычно используют обозреватели "книг для юношества". Она слишком серьезна: растущая мука, тяжесть Кольца на шее, неотвратимое превращение хоббита в героя в условиях, исключающих всякую надежду на славу, и оставляющих только страх неизвестности. Без того облегчения, что дают более населенные и богатые событиями книги, она была бы почти невыносима.

Но этим значение этих книг не исчерпывается. Если начать выделять важнейшие моменты, такие, как крик петуха при осаде Гондора, то конца им не будет. Я упомяну лишь два существенных, и совершенно различных, достоинства. Одно, как ни странно - реализм. Эта война - та самая война, которую знает мое поколение. Все здесь есть: бесконечные, непостижимые передвижения; зловещее затишье фронта, когда "все готово"; беженцы; живая, яркая дружба; в глубине - что-то вроде отчаяния, а снаружи - показное веселье и такой неожиданный дар небес, как запасец отборного табаку, "спасенного" из развалин. Автор не раз говорил нам, что его вкус к волшебной сказке пробудился в полную силу на действительной военной службе, поэтому о военных сценах романа можно сказать словами из второго тома (присоединившись к гному Гимли): "Здесь добрая порода. У этого края

крепкие кости." Другое достоинство: ни один характер, ни одна деталь не появляются только ради сюжета. Все приходят по собственному праву, и это тем ценнее, что каждый персонаж создан со своими особенностями, хотя бы и не относящимися к делу. Древобород послужил бы любому другому автору (если бы этот другой смог его вообразить) для целой книги. Глаза его "наполнены веками памяти и долгим, неторопливым, упорным раздумьем." Через эпохи вместе с ним росло и его имя, так что теперь он не может произнести его, ибо оно стало слишком длинным. Когда он слышит, что хоббиты называют место их встречи "просто холм", он объясняет, что это слишком "торопливое слово" для того, в чем скрыто так много истории.

Может ли Древобород рассматриваться как "портрет художника", вопрос спорный. Но если бы он услышал, как кое-кто хочет идентифицировать Кольцо с водородной бомбой, а Мордор с Россией, я думаю, он назвал бы это "торопливым" словом. Как по-вашему, сколько времени вырастает мир, подобный созданному в романе? Неужели можно думать, что его творение может поспеть за той быстротой, с которой современные нации меняют своего Врага Нации Номер Один или современные ученые изобретают новые виды вооружений? Когда Толкиен начинал, ядерного оружия не было вообще, и подходящее воплощение Мордора было куда ближе к английским берегам. Но и сам текст учит нас, что Саурон не уничтожим в одном бою, битва за Кольцо - лишь одна из тысяч войн против него. И хорошо бы нам иметь достаточно мудрости, чтобы бояться его окончательной победы, после которой "больше уже не будет песен". Мы получаем все новые и новые подтверждения, что быть может, недалеко время, когда "увянут все леса". Каждый раз, когда мы побеждаем, мы знаем, что победа не окончательна. Если мы хотим обязательно вывести мораль всего повествования, то вот она: призыв и против легкомысленного оптимизма, и против стенающего пессимизма, призыв к трудному, но совсем не безнадежному, внутреннему видению вечных проблем человека, сопровождавших прожитые героические века.

"Но почему, - возникает вопрос, - если речь идет о серьезных вещах, связанных с реальной жизнью, почему надо рассказывать о фантастической, никогда не существовавшей, вымышленной стране?" Мне кажется, что главная мысль автора состоит в том, что реальная жизнь обладает мифическим и героическим свойством. Принцип любой работы можно увидеть в создании образов. Многие из того, что в реалистической работе пришлось бы делать с помощью "описания характера", здесь достигается просто созданием образов эльфа, гнома или хоббита. У воображаемых созданий их внутреннее - снаружи, они - зримые души. А Человек как целое, Человек среди всей Вселенной - его можно увидеть таким лишь в качестве героя волшебной сказки. В книге Эомер необдуманно противопоставляет "зеленую землю" "легендам". Арагорн отвечает, что зеленая земля сама есть воплощенная легенда, и пока она существует, будут существовать и легенды.

Значение мифа в том, что он возвращает давно и хорошо знакомым вещам их истинное, первичное значение, скрытое "покрывалом привычности". Ребенок радуется холодному мясу, не очень-то вкусному самому по себе, представив, что это - буйвол, убитый его собственным луком и стрелами. И ребенок мудр. Обычная еда возвращается к нему более вкусной, если обмакнуть ее в стоящую историю; можно сказать, что только тогда она становится настоящей едой. Если вы устали от реального пейзажа, посмотрите на него в зеркало. Помещая хлеб, золото, коня, яблоко или пути, которые мы выбираем, в миф, мы не отрываемся от реальности - мы перестраиваем ее. Пока миф живет в нашем сознании, реальные вещи больше похожи сами на себя. Книга Толкиена поступает так не только с хлебом или яблоком, но и добром и злом, с нашими бесконечными опасностями, нашими муками, нашими радостями. Погружая их в миф, мы видим их яснее. Я не думаю, что Толкиен мог это сделать как-нибудь по-другому.

Эпопея Толкиена слишком богата и свежа для любого окончательного суждения после первого прочтения. Но несомненно, она уже многое сделала для нас. Мы уже не те, что были. И хотя, перечитывая, нам придется сдерживать себя, я не сомневаюсь, что книга займет свое место среди самых необходимых.

C.S.Lewis. The Dethronement of Power. (Tolkien and the Critics, 1969.)

Перевод Н. Григорьевой и В. Грушецкого

Текст перепечатан из газеты "Путь к Валинору", №6-7, 1992 - М.